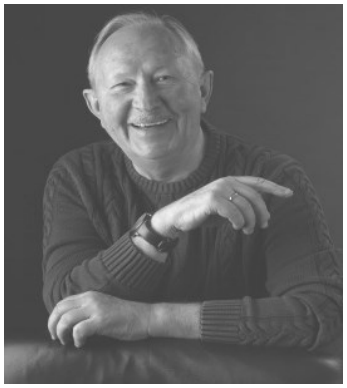


П. А. САВИНКИН,
председатель Амурской областной
общественной писательской организации
Союза писателей России

«МОЙ ДРУГ – ХУДОЖНИК И ПОЭТ…»

Вот возьмём, к примеру, Николая Романовича Левченко. Он кто? Писатель или художник? (Про то, что он вообще-то врач, я промолчу: мало ли у человека заблуждений по жизни?). Известен он поначалу стал как замечательный акварелист. За его прозрачными акварельками даже известные коллекционеры гоняться стали, уже и выставки одна за другой последовали – то в музее, то на других выставочных площадках… И вдруг – тадан! Он становится лауреатом губернаторской премии за сборник стихов! Никто и не ожидал! Даже известные стихоплеты, почесав затылки, согласились: а и действительно, хорошие стихи…

И всё бы ничего, – ну, примкнул к рядам поэтов, подумаешь, очередная блажь… Так нет же, Николай Романович ещё и в прозу ударился! Видать, решил примкнуть к стройным рядам, в которых числятся литераторы-медики Михаил Булгаков, Аркадий Арканов и иже с ними.

При этом не перестает радовать окружающих всё теми же симпатичными акварельными пейзажами.

Вот и думай: кто же Николай Романович – художник или литератор (про медицину – молчу)?

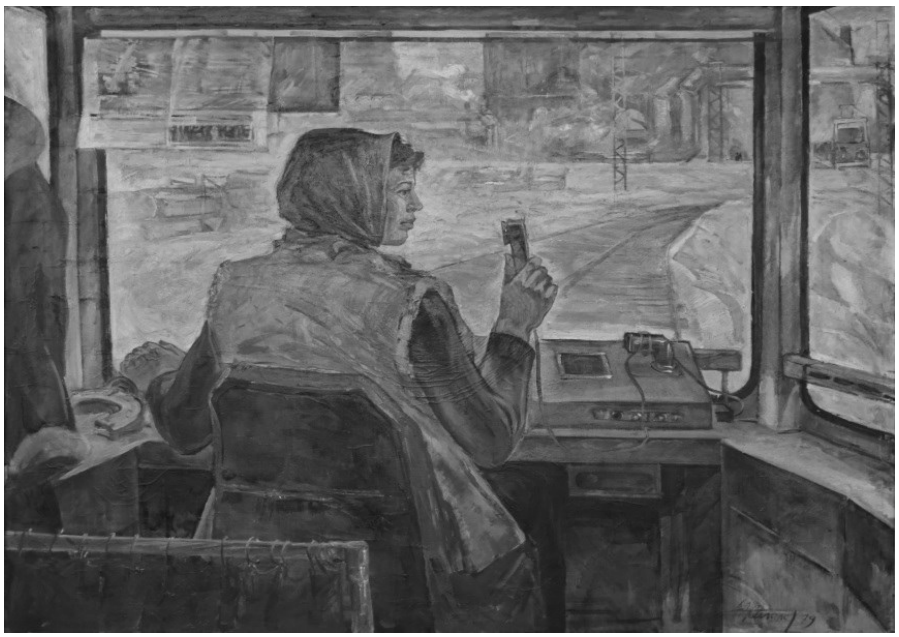
А кем в полной мере прикажете считать Владислава Петровича Афанасьева? Ну, то, что художник – оно и по внешнему виду понятно: вечно при галстучке, при понтовом платочке в кармашке модного пиджачка, при остроносых «корочках», при хорошем «верстовом» одеколоне («верстовом» – это потому, что за версту чувствуется). А ещё и картин всяких написал – вся мастерская до потолка забита, в запасниках музея места уже нет… Академик, опять же, Академии художеств России! А вот поди ж ты – и он совместил кисть с пером и написал очень даже интересную книгу воспоминаний. Самая настоящая картина нашей жизни в прозе. Всем воздал в ней по заслугам – и друзьям, и недругам, – благо, этих на жизненном пути попадалось немало, даже книга толстой получилась…

Примеров таких, когда литератор берётся за кисть и карандаш и наоборот, когда художника озаряют рифмы и прозаические откровения, в амурской культурной жизни немало – как-нибудь посвятим этому отдельную публикацию.

А сегодня хотелось бы отметить, что две амурские общественные организации – Союза художников РФ и Союза писателей РФ – движутся по культурному полю области рука об руку, как близнецы-братья. Не всегда и разберёшь, кто из них кто… Не так давно эти союзы отметили круглые даты – 40- и 45-летие со дня образования.

И все эти годы создавали произведения во славу Амурской области. Нет смысла считать, сколько полотен написали художники Виктор Суриков, Василий Семенихин, Александр Жигалов, Владимир Красников (и мн. др.) … С их картин на мир смотрят строители БАМа и ГЭС, хлеборобы и геологи… Коротко говоря, в их живописных работах живет наша жизнь. По их полотнам можно изучать историю Амурской области. Их картины рассматриваешь, будто читаешь книги!

А сколько повестей, рассказов, поэтических творений во славу области написали Борис Машук, Николай Фотьев, Игорь Игнатенко, Владислав Лецик, Владимир Куприенко (и мн. др.). Со страниц их творений на мир



А. Жигалов. Дорога на завод, 1980-е

смотрят строители БАМа и ГЭС, хлеборобы и геологи. Коротко говоря, в их литературных опусах живет наша жизнь. По их произведениям можно изучать историю Амурской области. Читая их книги, будто рассматриваешь живописные полотна!

Так что, художник в душе – всегда поэт и прозаик.

А писатель – самый настоящий живописец!

Есть на полотнах художников и портреты литераторов.

Так что, стоит ли удивляться тому, что и литераторы пишут портреты художников? Несколько из этих портретов мы и предлагаем вашему вниманию.

Волшебная палитра

Вот накоплю деньжат, приду к Жигалову и, набравшись смелости, рубану с плеча – мол, продайте мне вашу палитру!

Александр Иванович, знамо дело, удивится: дескать, на кой Паше сдался рабочий, по сути, инвентарь – весь в мазилках – разводах красковых да в подтёках растворительных… Это ж не полотно, на века написанное, путь к бессмертию проложившее, а так, дощечка простецкая с дырочкой для пальца. Что в ней ценного?! Ну разве что та самая дырочка… Это он так пошутит, и мы вместе с ним посмеёмся.

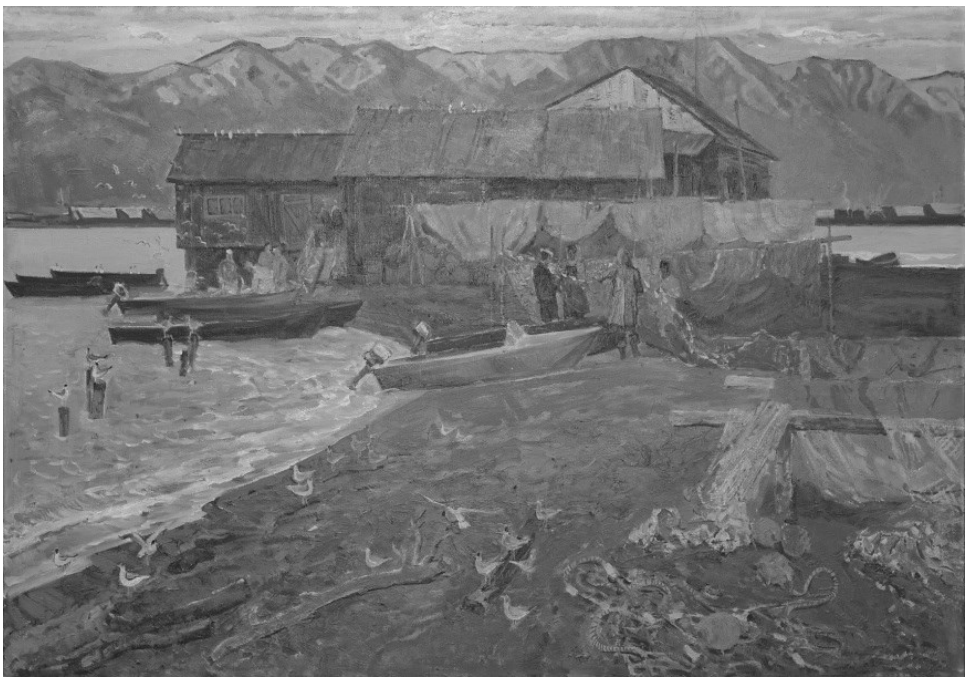
Он вообще человек открытый, улыбчивый и юморной – с ним очень легко общаться. Но это уже лирическое отступление, а я возвращаюсь к палитре.

Так вот, – удивится Александр Иванович моему предложению, и брови-то высоко поднимет, и глазами-то вроде как непонимающе сверкнёт, и руками-то всплеснёт, – но удивится-то на самом деле больше для вида, чтобы цену кусочку фанеры разрисованному приподнять. А и то: понимает Александр Батькович, что цены-то палитре как раз и нет: ведь именно в этом кусочке фанеры и живут все жигаловские полотна – малые и большие, этюды и наброски, и уже готовые картины, и ещё только задуманные.

Палитра художника Александра Жигалова – это, отмечу без обиняков, – вся его творческая биография. Можно изучать его деятельность по картинам, можно долго листать альбом его произведений (очень большой, толстый и тяжёлый, доложу я вам, альбом), а можно просто взять в руки эту фанерную пластинку, на которой он смешивает краски, посмотреть на неё (но внимательно, вдумчиво, проникновенно!), и там, в ней, в её сути и познаешь Жигалова – и его характер, и его привязанности; прочтёшь его планы – уже свершившиеся и те, что вот-вот; почувствуешь и его неиссякаемый юмор, и его скрупулёзность в подходе к разрабатываемой теме.

Вот рассматриваю я уголок этой фанерки – и вижу огромный, с город величиной, заводище. Металлурги суровые с лицами закопчёнными плавкой правят, кругом ритм рабочий – искры летят, стружки калёные. Красота! А вот трамвайчик весёлый по рельсам мчит – рабочие на смену торопятся. И вагоновожатая – экая симпатяга! Да это ж жена художника! О, что углядел я в палитре! Секрет модели разгадал…

А ещё на той палитре можно увидеть и тугие туманы Камчатки (бывал я в тех краях, потому и узнал сразу), и будни камчатских рыбаков, и бамовских мостостроителей, и…

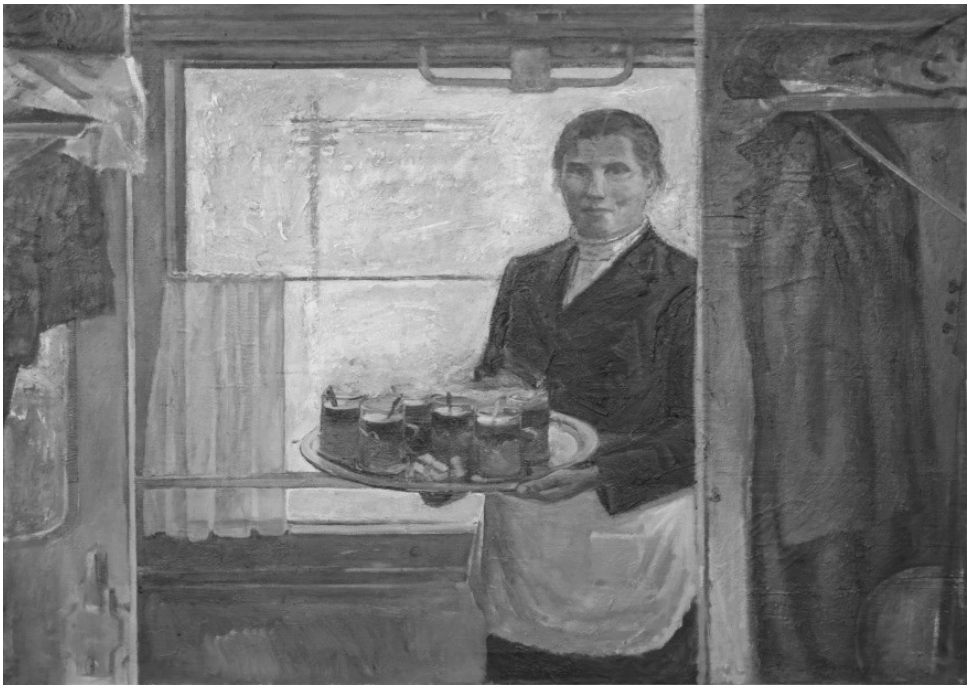


А. Жигалов. Рыбаки Камчатки

В самой же серединке палитры – семейная сага Александра Ивановича. То портрет сына, то вот они с супругой (молодые ещё, ещё семейная жизнь только налаживается) бельё на морозе развешивают. То вот вся семья у окна вагона смотрит на проплывающие пейзажи – видать, возвращаются откуда-то… А то вот матушка художника – Клавдия Александровна. Взгляд глубокий и мудрый. По этому портрету и видно, в кого сам художник удался… Семье у Александра Ивановича, особенно хранительнице очага – супруге Надежде Николаевне – особое внимание в творчестве.

Вот пишу эти строки, а сам всё подумываю, что, пожалуй, не буду приставать к художнику с просьбой уступить мне палитру. Это же, согласитесь, как всю творческую биографию взять и отринуть от себя… Пусть даже и приличному человеку.

Нет, не буду.



А. Жигалов. Хозяйка вагона, 1980-е

А. Жигалов. В устье реки Камчатки. 1987 г.

На свет Александр Иванович Жигалов появился в 1952 году. Заслуженным художником России стал не сразу, для начала пришлось окончить художественный факультет Дальневосточного института искусств, потом поработать на Урале, переехать в Благовещенск, а уж только потом стать знаменитым.

Автор жанровых картин, пейзажей, портретов и чего-то многого ещё. Сейчас натюрморт пишет: лилии в палисаднике расцвели. Загляну вот на днях, посмотрю, как это на палитре отразилось…

У времени в плену

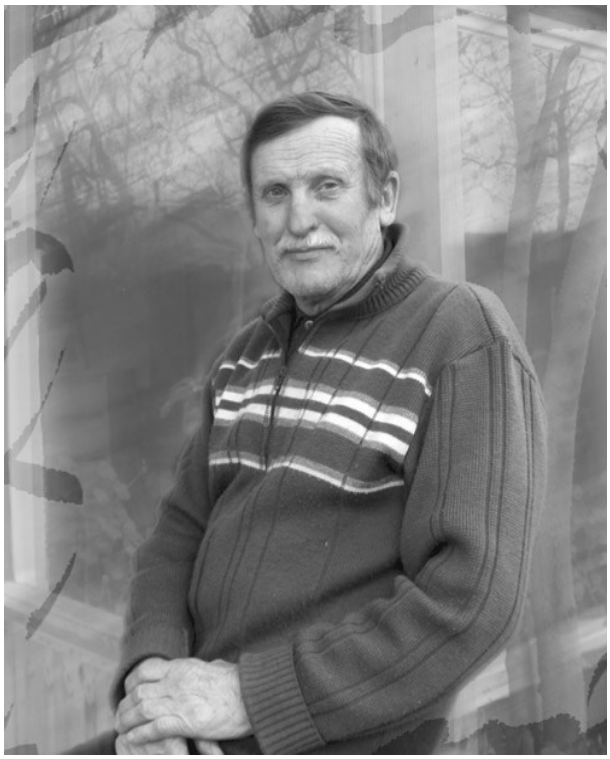
Сергей Анисимович Сидоренко и слава ходят по разным улицам, которые не пересекаются. Слава – та любит тех, кто её не чурается, кто о себе погромче не прочь заявить, перед властями покрасоваться, орден на лацкан повесить, что там еще… А Сергей Анисимович – человек негромкий, спокойный, ему больше в радость по своему двору пройтись, в себя углубившись, а потом – к мольберту, и воплощать на холсте то, что в голове складывается. Про мольберт – это я условно: не всегда он под рукой случается, иной раз и на клочке бумаги карандашом быстрый эскиз сделает, кажется, раз-два, быстрая линия на бумагу ложится, пара секунд – и – оп-паньки! – уже и картина будущая проявляется, городская окраина, избушка чья-то в снегу, портрет чей-то, да мало ли…

Набросков этих у него, эскизов всяких (которые зачастую и как настоящая картина выглядят) – смотреть-не пересмотреть, он ведь с карандашом никогда не расстается, и чуть что заметит такое, что привлекает его внимание, тут же и заносит в долгую память!

Листаю его эти самые эскизы – и будто в историю окунаюсь: вот беглые, совсем-совсем скорые штришки – группка людей на остановке – не прорисовано, так, линии и черточки набросочные, намеки… Но у девушки – шапочка, какие носили в 60-е, парень рядом в лыжном костюме – такие костюмы только в советское время можно было увидеть! Или вот дама в небрежно-грациозном повороте головы… Экая шляпка, и в современном кино уже такое не покажут! И потихоньку растворяешься в том времени, оказываешься у него в плену, и, как и те персонажи, что на набросках, ждёшь автобуса – вон он, только из-за поворота появился, и стоишь, переминаясь с ноги на ногу у зимнего костерка, у которого греются бамовские строители, и тонешь в глубоких девичьих глазах…

Природы много на работах Сергея Анисимовича. Он не из тех, кто засиживался в мастерской. Мастерская – это уже та лаборатория, где все уже названные наброски превращались в картины. Тут уж к нему не подходи, тут уж он – весь глубоко в себе, и ни телефонов, ни праздных разговоров не признает.

А так – чуть свободная минутка, вместе с женой, тоже художницей – Татьяной – на машину и в лес, в поле, на речку – наблюдать природу, разговаривать с ней, благо, что язык её понимать с давних пор научились вместе. И пока, например, сам Сергей Анисимович удочку разматывает, чтобы пескаря какого для кота поймать, Татьяна то куст лимонника, то



С. А. Сидоренко

корень саранки выкопает, да бережно в ведро переложит – у них дома не огород, а самый настоящий сад, но при этом – из дикоросов. Очень даже красиво, поверьте на слово, я по этому саду бродил – в нем хорошо с Сергеем Анисимовичем неспешные разговоры вести.

Сергей Анисимович рассказывает о своем трудном детстве – пришлось аккурат на войну, а жил он в то время на Украине, так что лихолетье вросло в его сердце и душу. Одна из его последних художественных работ – её можно было в своё время увидеть на выставке «Последние залпы» в выставочном зале – триптих о детстве, о пережитом. Очень горькая картина. Хоть и говорится, что из памяти у человека с возрастом стираются самые сложные моменты, но как из неё вычеркнуть сиротство, голод, лишения? Заноза, всё едино – остаётся…

Но вообще, большая часть сидоренковских работ – жизнерадостная. Человек он такой, во всём видит светлое. Тут достаточно с его картинами познакомиться – и всё становится ясно.

Родился Сергей Анисимович Сидоренко в с. Чернево Глуховского района Сумской области в 1942 г. В 1968 г. окончил владивостокское художественное училище.

Награждён Серебряной медалью ВТОО СХР.

Основные жанры в творчестве: пейзаж, портрет, тематическая картина. Участник областных, региональных, республиканских выставок.

Живых пейзажей обаянье

Юрий Иванович Цепляев редко когда на свои полотна допускает человека – он все больше чистым пейзажем интересуется, душой природы окружающей.

С. Сидоренко. Счастливые

Посмотришь на иную его картину, думаешь, да я же вроде тут бывал… Вот и мосток не очень надежный, и домишко чуть вдали окошком еще незаставненным светится… Да это ж буквально под городом, чуть вправо от дороги если…

– Точно, – соглашается художник. – Это Верхнеблаговещенское, всю округу там обходил, смотри, вон еще пейзажи из тех же мест. У нас тут под боком такие виды – сказка, смотреть только нужно повнимательнее! На все – как в первый раз!

А и точно: иной пройдет мимо стожка и красоты не заметит – подумаешь, трава сухая… А у Юрия Ивановича таких стогов на полотнах чуть ли не два десятка, и все разные, и так изображены, что, кажется, дотронься – и зашуршит припорошенное снежком сено! И такое впечатление, будто только-только человек тут побывал: может, крепежку подправил, может, клок сенца выдернул – для саней… Ну, то есть живые они, картины Юрия Ивановича…

Чудодействует он над каждым полотном не торопясь, вдумчиво, мазок кладет так, что уже больше ни отнять, ни прибавить, и каждый последующий картину все больше оживляет. Она будто дышать начинает.

Пейзажи – да все в основном лесные – Юрий Иваныч, думаю, пишет все больше потому, что по первому образованию он – работник лесного хозяйства. Вдали от здешних мест, в глубинке воронежской, отучился он в техникуме лесоводческом, да и пошел потихоньку по этой стезе. И стал бы министром всего лесного хозяйства страны, да после службы на флоте судьба по-иному распорядилась.

Вы, поди, сразу и предположите, что, значит, по другому образованию он – живописец. А вот и нет! Юрий Иванович – не профессиональный художник, а любитель. Но любитель-профессионал! Нет за его плечами учебы академической, до всего в науке живописания дошел сам опытным путем…

И вот сейчас, находясь на пенсии с кистью и мольбертом не расстаётся! Помните, его музейно-выставочный проект «Времена года», когда каждые три месяца он в Доме Саяпина на суд зрителей выставлял по 40 полотен, по которым и можно было сверять смену тех самых времен?!

А вообще выставок персональных у него не счесть, круглый год его работы можно встретить на самых разных площадках города – и в библиотеках, и в музее, и в учебных заведениях.

Ну а по жизни то он вообще-то следователь высокого класса. Более тридцати лет жизни отдал работе в милиции. Про него даже в журнале «Советская милиция» писали (кстати, было это ровно 45 лет назад – тютелька в тютельку)!

– Да как же удавалось совмещать – и поимку нарушителей норм социалистической морали – всяко-разных отщепенцев, расследование дел всяких заковыристых, планирование и организацию работы УВД – и живопись? – удивляюсь я, рассматривая его картины, которыми увешаны все стены мастерской.

Юрий Иванович на такую непонятливость только посмеивается, поясняет, что живопись-то как раз и помогала сосредоточиться на решении сложных задач-головоломок.

А жилку живописную он в себе почувствовал с малолетства: нарисовал еще в первом классе лошадь – даром, что ли из тех мест, где знаменитых орловских рысаков разводят… Нормальная лошадь получилась, похожая! С четырьмя ногами! Тогда-то и понял, что заложена в нем нотка живописная.

Шутки шутками, но сегодня Юрий Иванович известен как постоянный участник областных, зональных, всероссийских и международных выставок, лауреат 2-го и 3-го Всесоюзных фестивалей народного творчества; награжден серебряной (2013 г.) и золотой (2014 г.) медалями «За вклад в отечественную культуру» ТСХР.

Родился Юрий Иванович Цепляев 16 февраля 1943 г.. Окончил Хреновской лесотехникум. После службы в ВМФ окончил Воронежский государственный университет, получив высшее юридическое образование. В 1977–1980 гг. проходил обучение в Академии МВД СССР.

В общем, самое, что ни на есть художническое образование, правда же?

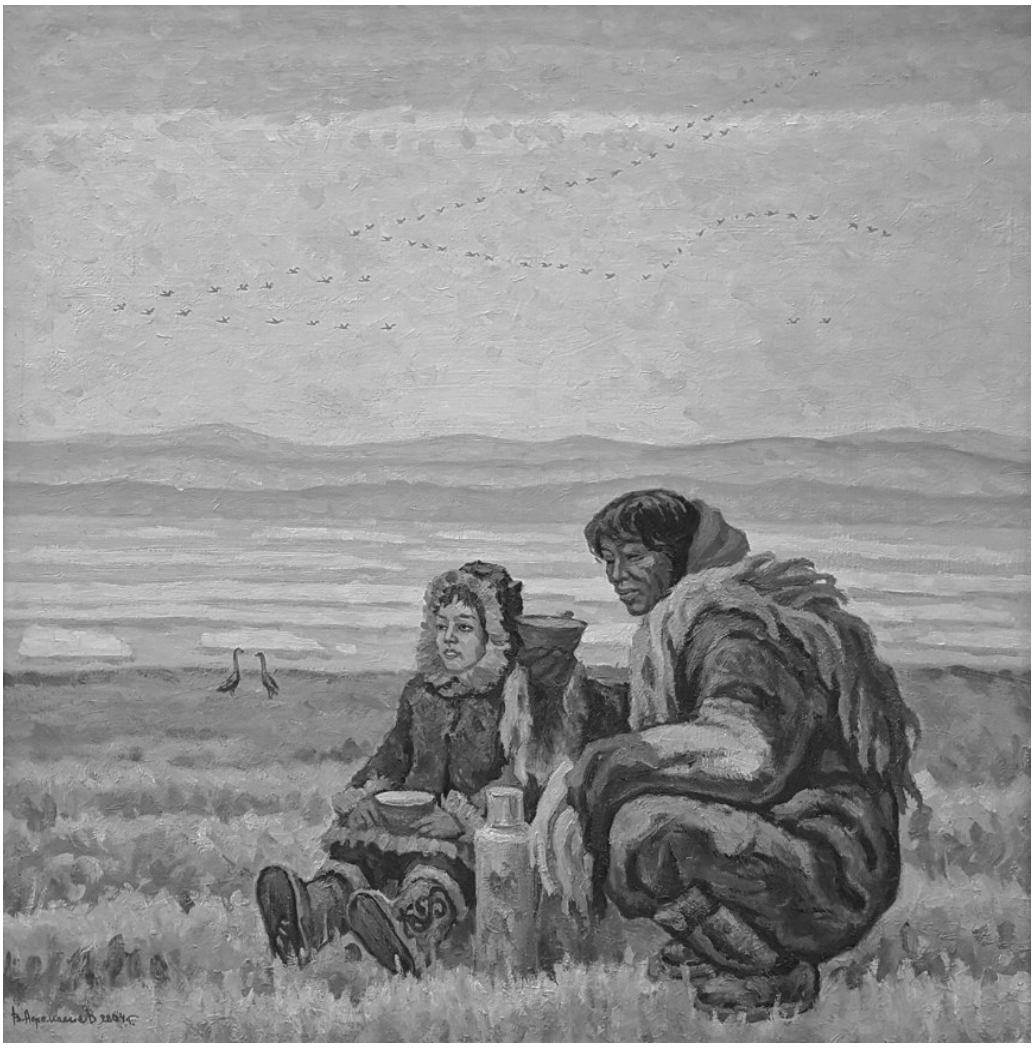
Эхо далеких снегов

Владислав Петрович Афанасьев – рассказчик от бога! Ему бы в писатели податься, а он вот художником стал. Хотя, с другой стороны, если б он был писателем, мы, наверное, не переставали бы восклицать: «Вот если б он в художники подался!..» Но это лирическое отступление.

Так вот, он часами может рассказывать о быте тружеников Севера, среди которых прожил долгое время, собирая материалы для своих полотен, записывая, зарисовывая в свои блокноты, на свои листы мельчайшие подробности жизни людей, которых называют «малыми народностями».

В снегах-во льдах ночевал (это фигурально выражаясь, а то подумаете, что спал по полгода: столько в тех краях длятся ночи…), долгие километры по тундре в поисках сюжетов исходил, как упряжками собак и оленей управлять разумеет не хуже тамошних погонщиков-каюров, как поймать на удочку кита – знает

В. Афанасьев. Труженики Беринговоморья



В. Афанасьев. Весна в тундре

(наживка только нужна правильная!) … По секрету скажу, он до сих пор, колдуя над очередной картиной, мурлычет себе под нос, как истинный чукча, какую-нибудь проникновенную северную песнь.

– Однажды, – рассказывает Владислав Петрович, – отправились на дальнее оленье пастбище. Председатель тамошний попросил меня нарисовать портрет знатного оленевода. Ну, у меня в одной руке сумка с красками, кистями, прочими причиндалами, в другой – приспособление для холста, его и мольбертом не назовешь, – какие в тех диких местах мольберты?! Ну и тронулись в путь. Где на санях, где бегом за санями… Романтика, чёрт бы её… Мороз-то знаешь какой?! И вот время ночёвки. А вокруг – заснеженная тундра. А в небе даже и не звёзды, а осколки льда! Это уже потом, на Большой земле я всё рассказывал, мол, белое безмолвие, мол, северные сияние, мол, вокруг Вселенная, а ты – её центр... А там, когда нос от мороза вот-вот отколется, так и думаешь, чёрт бы побрал эту романтику!

Но продолжаю. Устраиваются чукчи на ночлег, раскатывают свои спальники. А они у них – совсем не те, что в спортивных магазинах для туристов продавали, – там у них мешки – на снегу лежишь, а тебе жарко. Да… Так вот у них мешки – а у меня холстина с красками. Председатель сказал: «Портрета нада», я и взял под козырёк. А никто и не подумал, что человек я, по сути, с другой планеты… Ну, мои попутчики спасли положение: стланика из-под снега наковыряли да настелили, снег утоптали, меня на это, с позволения сказать ложе уложили, вокруг меня и на мне собак устроили. Представляешь, ночёвка? От собак воняет – всё-таки целый день бежали! Одна взбрехнёт, другие подхватят. Ну и уж не знаю, как псам на моём теле было, а мне совсем неудобно: руки-ноги затекли, а чёрта с два повернешься: собаченции-то справные были… Спать, понятно, не спал, так, в какое-то забытье проваливался. Наутро чукчи – свежие, бодрые, какую-то еду на примусе сварганили, но я на это удовольствие даже смотреть не мог. Да ты что! Всю ночь дышать собачьим выхлопом… Ну, слава богу, хоть не замёрз…

– А портрет-то потом написали? – спрашиваю.

– Да какой хрен портрет! Тот передовик куда-то ещё дальше укатил. Только и видели! Что ж я его месяцами ждать буду? Другие темы, другие сюжеты нашлись. Я вон даже свой автопортрет написал – видишь? Вон в шапке тёплой, в унтах… Но это уже по теплу, уже солнце из-за горизонта вышло. Уже всего-то градусов 20 в это время. Ну, не тепла, конечно…

Родился Владислав Петрович Афанасьев 21 августа 1937 года, то есть, не так уж и давно. Великовозрастным патриархом себя не ощущает.

Выпускник Иркутского художественного училища. Заслуженный художник России, академик Российской академии художеств.

Участник такого количества Всесоюзных и Всероссийских выставок, что уже перестал их считать.